

Михаил Полтаранин.

О ЧЕЧЕНАХ.

<http://rusскиyy.narod.ru/Poltoranin9.html>

Впервые я увидел чеченцев весной 1944 года. Мы жили в Восточно-Казахстанской области, куда и привезли несколько эшелонов депортированных вайнахов. Я был еще маленький, но в детскую память «чечены» (так их у нас называли) врезались своим необычным видом: все поголовно в галошах на толстые шерстяные носки, женщины закутаны в темные большие платки.

За огородами, на склонах оврагов они семьями рвали молодую крапиву. На пригорках, где раньше всего сходил снег, мы тоже промышляли слизун или заячью капустку, а вот то, что можно есть и крапиву — не знали. Вайнахи нас этому научили.

Русские женщины — сердобольный народ. Тянули детей без мужей, погибших на фронте, но делились с чеченцами кто одеждой, кто хлебом, кто молоком. Так было все время, пока те строили свои саманные чечен-городки, оформлялись на работу и получали по квитанциям крупный рогатый скот вместо изъятых у них на Кавказе.

И в ту весну и несколько последующих лет нам с чеченцами выделяли за городом общие пашни для посадки картошки. Делились и картошкой. Мы резали каждый клубень на несколько частей с глазками для всхожести и аккуратно укладывали в лунки, чтобы эти росточки смотрели вверх. Мне, маленькому, почти не надо было сгибаться, зато у взрослых поясницы «отваливались».

Никто не позволял себе такой роскоши — бросать в лунку целую картофелину. Время было тяжелое.

В олигархической российской печати сейчас полно публикаций, будто чеченцев в послевоенные годы специально морили голодом. Из мести. Вроде бы другие народы страны особо не бедствовали, а их обрекали на гибель. Эта своеобразная трактовка истории очень нравится горским сепаратистам. Они ее вдалбливают своей молодежи, объясняя кознями русских.

Да, вайнахи прошли через голод в 1946 и 1947 годах. Но прошла через него и вся страна — из-за засухи, из-за гибели миллионов земледельцев на фронтах. Старшее поколение это помнит, а тем, кто моложе, картина откроется в телеграммах послевоенной поры. Их в рассекреченных архивах тысячи.

Телеграммы шли, в основном, на имя зампредов Совмина СССР Алексея Косыгина и Лаврентия Берии.

«По неполным данным на 20 марта 1947г., — сообщал, например, председатель Костромского облсовета Куртов, — насчитывается 10.000 больных дистрофией. В Полкинском районе имеется 76 смертных случаев, в Макарьевском районе 36 смертных случаев от истощения».

«Начиная февраля 1947 года Ульяновской области регистрируются случаи дистрофии среди населения, — телеграфировал председатель облсовета Семикин. — На первое марта зарегистрировано дистрофиков 8213 человек».

«Проведенным обследованием комиссией Читинского облздравотдела физического состояния шахтеров Букачач и некоего рудоуправления установлено,

— писал министр Востокугля Оника, — что из 2500 рабочих 36% страдает упадком сил, 55% цингой и часть рабочих дистрофией первой степени».

А министр путей сообщения СССР Ковалев недоумевал: «До 1.X.1946 года паровозно-поездные бригады получали на путь следования 300—350 грамм хлеба в сутки. В соответствии с постановлением Совета Министров от 27.1.X.1946 г. выдача хлеба паровозно-поездным бригадам была прекращена».

Председатель ВЦСПС Кузнецов февральскими телеграммами 47-го просил срочно выделить для голодающих детей 200.000 пайков и сообщал, кроме того, что «только на предприятиях текстильной промышленности выявлено свыше 50.000 остро нуждающихся многодетных семей и семей военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны. Все они живут впроголодь».

Авторы телеграмм требовали неотложной помощи. Из резолюций на документах видно, как маневрировали нашими ресурсами в Совмине: там ужать, туда перебросить. А что перебрасывать в ограбленной войной стране?

Что-то все-таки находили. И на наш класс выделили как-то две пары валенок. Попробуй их разделить справедливо, когда кругом одни голодранцы. С нами учились чеченцы. И педсовет (а это были русские женщины) передал валенки им. Как представителям обиженного народа. Никто не роптал. Мы все-таки дома, говорили нам взрослые, а их, бедолаг, сдернули с родных мест, загнали черт-те куда. Люди, повидавшие многое, умели жалеть.

Но вот чеченцы обустроились. Обжились. Обвыкли на новом месте. И пошло и поехало.

Тех, кто делился с ними куском хлеба, они стали грабить и насиловать.

Нагло действовали вайнахи. Нападали по-волчьи, стаями, приставляли к горлу ножи и отбирали деньги, одежду. Молодых женщин тащили в кусты.

По ночам они обшаривали чужие сараи и воровали коров. Знали, конечно, что наши отцы и старшие братья погибли на фронте, в домах одни вдовы с мелюзгой — кого им бояться! Милиция? Она была малочисленна, к тому же собрали туда женщин и доходяг — без опыта и маломальской подготовки. А поди и найди в лабиринтах чечен-городков грабителей и насильников, где сплошное укрывательство и как по команде тебе отвечают одно: «Моя твоя не понимает».

Я хорошо помню то время: все разговоры взрослых были о чеченцах. Что это за народ, почему он здесь ведет себя так — сводит счеты с беззащитными из-за обиды на власть? За что его выслали с Кавказа в спешном порядке?

Люди много тогда не знали. Иначе не тратили бы столько времени на разгадку вайнахской души.

Я тоже придерживаюсь мнения, что нет плохих народов. Есть плохие их представители. Но если таких представителей очень много, значит, этот народ нуждается в самоочищении. В ревизии старых обычаев и традиций на предмет соответствия их современным цивилизованным нормам. Иначе он всегда будет и клят и мят.

Вот у нас, русских, невероятно много людей, лишенных чувства достоинства, не способных сопротивляться злу, зато готовых долго терпеть унижения и беззакония, поддакивать власти, раболепствовать перед всякой мразью, вознесенной случайно наверх. Они-то и делают погоду в политической

жизни. И весь народ платит за них большую цену, находясь постоянно под гнетом какой-нибудь кучки оборзевших чиновников.

Все вайнахи тоже в заложниках у большинства своих представителей — башибузуков. А эти представители всегда промышляли разбоем и бандитизмом. Они делали массовые набеги на села Грузии, Дагестана, Северной Осетии и Ставропольского края. Приводили оттуда скот и рабов, которых неволили в отдаленных горных аулах.

Даже в строгие времена Иосифа Сталина не прекращался разбойный промысел. В архивах сохранилось немало жалоб вождю всех народов от мини-вождей с Северного Кавказа. Типичную картину рисовал в письме Сталину от 17 августа 1937-го, например, первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) Самурский: «В соседней Чечено-Ингушетии усиленно развивается бандитизм... Группа бандитов в 28 человек спустилась из Чечни на плоскость Хасавюртовского района с налетом, разгромила сельсовет и угнала скот».

Не случайно в дни операции «Чечевица» (с 23 февраля 1944 года) выселять вайнахов в Казахстан добровольно помогали оперативникам и грузины, и дагестанцы. Они отлавливали в горах беглецов, сдавали НКВДэшникам. Так эти джигиты достали своих соседей.

Вайнахи всегда умели пользоваться моментом. Если центральная власть демонстрировала силу, башибузуки поджигали хвосты и спускались с гор сдаваться — «за прощением грехов». Амнистии тогда следовали за амнистиями (как и в наши времена). Легализовались бандиты тысячами. Правда оружие припрятывали в горах и, дождавшись благоприятной для себя ситуации, когда кулак неверных слабел, снова брались за разбойный промысел.

Подарком Аллаха вайнахи посчитали нападение на нашу страну фашистской Германии. Теперь-то руководству СССР не до них. А не им ли, казалось бы, защищать Советскую власть? Они жили богаче, чем остальные в России: налогами их не давили, за спекуляцию не преследовали, скота разрешали держать сколько хочешь.

Но воевать пришлось бы с хорошо вооруженным противником. А чеченцы и ингуши привыкли нападать на безоружных людей или на сторожей, оснащенных дробовиками.

За первые три года войны около 63 тысяч вайнахов дезертировали из армии и уклонились от призыва, схоронившись в горах. Они по сути открыли второй фронт на Кавказе против нашей страны: принимали немецких диверсантов-парашютистов и помогали им, грабили тыловые обозы, стреляли из засад в спины красноармейцев (только очень малая часть вайнахов участвовала в боях против фашистов — их семьи, как правило, не подлежали депортации).

Горцы думали: если победят немцы, они оценят их заслуги перед вермахтом. А если победят русские, то по своей ротозейской привычке начнут опять всех амнистировать и уговаривать жить честным трудом. Вроде бы беспрюгрешная позиция!

Но, к их удивлению, команда Сталина, несмотря на тяжелые бои на фронтах, взялась за вайнахов основательно. На захваченной у гитлеровцев карте Чечено-Ингушской АССР на немецком языке были отмечены пункты, куда

фашисты поставили своим союзникам-вайнахам крупные партии оружия. Для повстанческой деятельности. Пещеры с оружием нашли и разорили. Было уничтожено больше двухсот крупных банд.

А когда Красная Армия оттеснила врага, тогда и была проведена внезапная операция «Чечевица» — по выселению с Кавказа чеченцев и ингушей. Настолько внезапная, что горцы не успели распорядиться оставшимися у них стволами — спрятать или пустить в дело. Было изъято больше 20 тысяч единиц огнестрельного оружия, в том числе около пяти тысяч винтовок, а также 479 пулеметов и автоматов. В Среднюю Азию башибузуки, откормленные на разбойных хлебах, ехали под конвоем полуголодных солдатиков. Ехали, вытряхивая из штанов свою смелость, и не чирикали.

И вот в Восточном Казахстане вайнахи, что называется, оттягивались на вдовах и детворе.

В конце 40-х годов в Усть-Каменогорске и Лениногорске развернулось большое строительство. Начали возводить гидростанцию на Иртыше, Ульбинский завод по обогащению урана, полиметаллические комбинаты. Кому работать, если война выбила всех мужиков. На Украине и в российских областях вербовали людей — они тысячами ехали в Восточный Казахстан. Было много фронтовиков. «Вербованным» очень не понравился вайнахский террор. Запахло грозой.

Летом 1950-го группа толстомордых чеченцев ворвалась в избушку вдовы фронтовика Паршуковой, работницы нижнего склада Лениногорского леспромхоза. Сама Паршукова была на работе, а дома находилась ее малолетняя дочь. В избушке ничего путного не нашли, но во дворе взяли корову и стали ее уводить. Сопrotивляясь, девочка схватила за хвост корову, чтобы не отдать налетчикам кормилицу семьи. Они долго не могли ее отцепить, в конце концов убили и сбросили в речку Журавлиху. Кто-то из соседей видел эту сцену. По Лениногорску покатило чудовищное известие.

Детонатор сработал. Несколько сотен «вербованных» вооружились кто вилами, кто кусками арматуры, кто аммоналом с рудничных участков буровзрывных работ и пошли громить чеченские поселения. Погром продолжался больше суток.

Мою старшую сестру, восемнадцатилетнюю Раю, в числе прочих комсомольских активистов отрядили в помощь милиции увещевать нападавших. Но куда там! «Вербованные» все жгли и крушили на своем, пути. Молодых комсомолок очень удивило поведение многих вайнахов с кинжалами на поясах: они сбежали в окрестные пихтачи, бросив семьи на произвол судьбы. Было убито 36 чеченцев и больше ста ранено. Остановить погром помогла подросшая армейская часть.

И опять проявилась сердечность русских женщин: они прятали чеченок с детьми у себя в погребах и на сеновалах, а некоторых даже в холодных утробах русских печек. Иначе жертв было бы значительно больше.

Грабежи и разбои в Лениногорске прекратились.

А в Усть-Каменогорске, что в сотне километров от него, все продолжалось по-прежнему. Искрой для разлитой, как бензин, ненависти послужил случай с израненным на фронте милиционером. Его обнаружили под деревянным мостом через Ульбу (в детстве мы с этого моста ныряли), подвешенным за ноги вниз

головой, с перерезанным горлом. Так чеченцы свежуют баранов. Возможно, кто-то хитро сработал «под горцев»

Это была середина апреля 1951 года. Только-только начался ледоход, Ульба, впадая в Иртыш, уже громоздила торосы. Они вставали на дыбы и рассыпались с грохотом, сталкиваясь. И в эту бурлящую кашу, в этот ад восставшие «вербованные» погнали всю чеченскую диаспору: мужчин, детей, стариков.

Многие, спасаясь, смогли добраться до другого берега глубокой реки, а многие тонули подо льдинами. Сколько погибло людей, не известно. Документальных данных я не нашел, а то, что видел тогда своими глазами (мы жили на крутом берегу Ульбы, куда устремлялись гонимые), подсчетам не поддавалось.

Недалеко от города стояла армейская часть, прокладывавшая железную дорогу на Зыряновск. Солдат срочно бросили на подавление бунта. Выстрелами поперх голов они остановили и рассеяли «вербованных».

В Усть-Каменогорске тогда строился крупнейший в Советском Союзе свинцово-цинковый комбинат. По понедельникам в 12 часов местного времени (в 9 утра по Москве) селекторное совещание с руководителями стройки и министрами проводил лично Сталин. Сообщение о массовых беспорядках его вывело из себя. Такое развитие событий мешало планам Сталина, и он за-подозрил в интригах казахские власти. Потребовал немедленно принять меры. И власти с перепугу стали проводить в ударном темпе облавы на «вербованных».

Уже 3 мая 1951 года в докладной записке на имя первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана Жумабая Шаяхметова обком партии рапортовал о принятых мерах:

«Дело Мамонова и др. 38 человек деклассированных элементов, обвинявшихся в организации массовых беспорядков, рассмотрено в г. Лениногорске.

Дело Цурикова и др. 11 человек деклассированных элементов, обвинявшихся также в организации массовых беспорядков, рассмотрено в г. Усть-Каменогорске.

Все они осуждены по статье 59-2 и 59-7 УК...»

Статья 59 Уголовного Кодекса, действовавшего в те годы, намечала кары за преступления против порядка управления, за погромы и предусматривала длительные сроки заключения или расстрел с конфискацией «всего имущества». Информация от Шаяхметова пошла по инстанции в Кремль.

Каким планам Сталина могли мешать события в Усть-Каменогорске и почему вождь заподозрил казахскую власть в двойной игре?

В планах нападения на СССР не последняя роль отводилась Турции.

Вести воздушные налеты на южные регионы Советского Союза американцы рассчитывали с турецких аэродромов (в 1960 году с одного из таких аэродромов в Инджирлике стартовал хорошо известный теперь самолет-шпион Локхид U-2, пилотируемый Фрэнсисом Пауэрсом и сбитый ракетой под

Свердловском). Анкара же взамен получала право оккупировать территории на Кавказе, которые всегда считала сферой своих интересов.

И это беспокоило Сталина. Турки сразу полезут захватывать нефтеносные районы — Баку, Майкоп и Грозный, чтобы свести к нулю боеспособность Советской Армии. Потому что Бакинская и окрестная нефтяная промышленность давали в то время более 80 процентов высокосортного авиационного бензина, 90 процентов лигроина и керосина, 90 процентов автотракторных масел от их общего производства в СССР. Потеря всего этого в боевых условиях означала смерть для страны. Предстояло защищать регион до конца.

Но, как показала Великая Отечественная война, депортированные с Северного Кавказа народы способны ударить своей армией в спину, объединившись с врагом. Особенно чеченцы и ингуши. Их Сталин вообще считал пятой колонной Турции в СССР.

Он помнил, как в 1918 году, в тяжелые времена для России, вайнахи — эта «опора Кавказа» подсутились и создали свою Горскую республику, выйдя из состава РСФСР. Правительство республики возглавил чеченец — толстосум Абдул-Межид Чермоев. Это правительство не только заключило с Турцией союз, но и призвало ее оккупировать кавказские территории. Чеченцы и ингуши участвовали вместе с турками в захвате Баку, Махачкалы, Дербента, Буйнакса. Лишь спустя год удалось выместить с Северного Кавказа и правительство, и турок.

Сталин не забыл и того унижения, которому его подвергли во Владикавказе. Там в начале 1921 года собрался Горский учредительный съезд — вайнахи опять решили создать Горскую республику, объединившую Чечню, Ингушетию, Кабарду, Карачай, Балкарию и даже Осетию. Как народного комиссара по делам национальностей Сталина командировали на съезд, чтобы он уговорил делегатов признать советскую власть и верховенство российских законов.

Но тузы были в руках делегатов, а у будущего вождя всех народов — сплошные шестерки. И ни одного козырного аргумента! В горах Ингушетии и Чечни хозяйничали протурецкие отряды Саид-Бека — у Красной Армии не хватало пока на них сил. А в Москве готовились к подписанию «похабного» рижского мирного договора (подписан 18 марта 1921 года в Риге) между Польшей и РСФСР

Авантюра «Красного Бонапарта» Тухачевского — выдвигенца Троцкого дорого обошлась России. Он решил ускорить наступление мировой революции и возглавил в августе 1920 года поход на Варшаву. «На наших штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир, — писал в приказе войскам Тухачевский. — На Запад!»

Но, во-первых, воспротивились «трудящиеся Запада», а, во-вторых, «красному Бонапарту» — любителю комфортных персональных поездов и бронированных лимузинов — не хватило полководческих талантов. Его разгромили: он сдал полякам в плен 85 тысяч красноармейцев, а еще 45 тысяч были интернированы Германией, куда они устремились от преследования панов. Путь для поляков на восток был открыт. Остановили их наступление только согласием подписать унижительный для России Рижский договор.

По нему Польше отходили принадлежавшие Российской Империи Западная Украина и Западная Белоруссия (Сталин вернет их в 1939 году). Кроме того, РСФСР обязалась уплатить Польше в течение года 30 миллионов золотых рублей и передать ей имущества на 18 миллионов золотых рублей (Варшава забрала оборудование 28 заводов, 300 паровозов, 435 пассажирских и 8100 товарных вагонов). Так что Польша оставила Россию без денег и армии.

От турок горцы знали о неудачах правительства РСФСР, и слабость Москвы их воодушевляла. Президиум съезда сидел под портретом имама Шамиля и смеялся Сталину в лицо: «Сейчас мы хозяева положения, мы диктуем правила игры». Давить на них пустыми угрозами значило потерять еще и Северный Кавказ.

После дебатов съезд согласился признать советскую власть только формально. Но при непеременимых условиях: если жители казачьих станиц будут депортированы в глубинные районы России, а их земли передадут вайнахам и если центральное правительство не будет вмешиваться в дела республики, а ее основным законом Москва признает шариат и адат.

Это был ультиматум с издевательским привкусом. Телеграф из Кремля отстукивал: уступить! И Сталин был вынужден принять условия съезда.

Казачьи семьи вышвыривали безжалостно. Без компенсаций, которые вайнахи получали в Казахстане в 1944 году. Это было не трудно делать. А вот как совмещать в одном государстве цивилизованные нормы закона с адатами? Все равно, что в коммунальной квартире поселить богомольную девственницу с дебоширом-насилемником.

Как растут на планете реликтовые деревья, так сохранились на ней и реликтовые этносы. Живут с языческих времен по родовому традиционному праву. У одних племен до сих пор считается нормой потчевать желанного гостя теплой печеню свежеукокошенных пленников, у других — бросать со скал жертвенных молодых — красавиц. Но это, слава Богу, где-то там далеко, за морями да за джунглями.

И вайнахи придерживаются древних обычаев предков, строго соблюдая неписанные законы — адаты. У каждого клана, то есть тейпа свой адат. А на вопрос: сколько тейпов у вайнахов, остряки-чеченцы отвечают:

— Сколько в наших горах ущелий или долин, столько у нас и тейпов. У каждого клана своя гора, и чем выше она, тем знатнее тейп. Потому что на склонах высокой горы можно прилепить больше саклей.

Адаты 170 тейпов (а столько их насчитали ученые) диктуют разные стандарты в отношениях с вайнахами соседних родов, в поведении с гостями, в расчетах за причиненный друг другу моральный и материальный ущерб.

Если ты столкнулся с вершины горы булыжник, вызвавший камнепад на аул, то по адату Одного Ущелья должен заплатить десять быков, а по адату Другого Ущелья — двадцать. Если ты поджег дом горца из знатного рода, то по адату Третьего Ущелья выложишь намного больше, чем за такой же дом простолюдина. А если вор из знатного рода украл у тебя коня и, упав с него где-то, дал дуба, то по адату Четвертого Ущелья тебя как хозяина скакуна-бедоносца родственники погибшего обязаны тоже отправить на тот свет. Предварительно заплатив небольшой штраф за умыкнутое животное (у знатного рода больше силы). Что

называется, полное торжество справедливости по-туземному. И таких «если» очень много. Даже процедуры кровной мести не всегда похожи друг на друга.

И только к государству и инородцам (иноверцам, гяурам) у всех адатов одинаковый подход. Истинному чеченцу не пристало уважать чьи-либо интересы, кроме лично своих и интересов своего племени. Он должен презирать государство и всех инородцев, обворовывать их, грабить, заниматься разбоем. А если кто-то начнет мешать, того разрешается отправлять на тот свет. Адаты учат: «Государство — это ничто, клан — все», «Воровство — доб-лесть», «Все иноверцы — враги» и т.д.

Вайнахам полагается с раннего возраста приучать своих детей к налетам и разбоям. В этой связи припоминаю одну историю.

В послевоенные годы, когда я еще был юнцом, наша семья в Усть-Каменогорске подружилась с чеченской семьей дяди Хамида. Он был молчаливый спокойный кавказец, всегда думавший о чем-то своем. Я снабжал семью дяди Хамида свежей рыбой с Иртыша, а он шил для нашей семьи кирзовые тапки из голенищ старых сапог. С обувью тогда было чрезвычайно трудно. Детей Хамида привечали в нашей избушке, а меня — в его саманухе.

Потом вайнахи вернулись на Кавказ, я вырос, отучился, пожил еще в Казахстане, а затем перебрался в Москву работать в центральной газете. Друзья-чеченцы меня вычислили по публикациям. В конце 70-х годов они привезли постаревшего дядю Хамида в московскую глазную больницу, и он приказал им найти меня, чтобы я помог ему купить в столице мощный насос. Дом старика выше от речки по склону горы метров на триста — коромыслом воду на огород не натаскаешься. А сильных насосов, да еще не на электричестве, а на бензине, в продаже не было.

Когда мне передали его просьбу, я понял, что тут нужен промышленный агрегат. И пригорюнился: где же его доставать? Но не хотелось терять лицо перед стариком-горцем, и я разбился в лепешку — через знакомого директора завода добыл списанный механизм. Его отреставрировали и подарили дяде Хамиду.

Через год я приехал в Грозный по журналистским делам. По велению дяди Хамида друзья-чеченцы вытащили меня прямо из гостиницы и повезли в горы за Ведено посмотреть, как хорошо работает насос. Он действительно тарабанил усердно, проталкивая хрустальную воду к огородам и дяди Хамида, и его соседей. А потом меня привезли в глухое ущелье на шашлык из черного барана. Безлюдное ущелье, покрытое сплошным лесом — на его дне проселочная дорога упиралась в водопад — негласно считалось собственностью Хамидовского рода.

Под шашлык-машлык, как выражались хозяева пикника, да под коньяк — маньяк (чеченский коньяк «Илли» слегка отдавал керосином) пошли откровенные разговоры. Вайнахи признались, что это ущелье их учебный полигон. Здесь они тренировали подростков устраивать засады, совершая налеты на обозы и одиночный транспорт. Оттачивали технику нападения, чтобы не нарваться на ответные пули.

Я спросил: неужели их тейп собирается промышленно набегать? Родственники дяди Хамида — люд образованный, пообтерлись в столичных вузах. И старались объяснить своему гостю все как-то помягче. Аргументированнее. Натаскивают подростков на всякий случай, ответили мне,

для соблюдения традиций. По своему адату они должны обучать детей разбойному ремеслу, иначе соседние кланы начнут относиться к их роду как к сборищу отступников от горских обычаев.

В теснинах Кавказа, где все на виду друг у друга, пояснили мне хозяева, важнее даже не быть правоверным чеченцем, а в глазах сородичей и соседей — казаться им. Вайнахи — это нация показных, внешних эффектов, для них ритуал намного важнее самого существа дела. А Чечня — Ярмарка Тщеславия. В ней любят демонстрировать друг перед другом, у кого выше забор, кто больше пленил рабов в набегах на Ставрополье, у кого богаче добыча на грабеже поездов. «Ты не можешь украсть даже барана!» — эти слова бросают в лицо вайнаху, чтобы унижить его.

Я подтвердил, что прошло много времени, но в Восточном Казахстане до сих пор вспоминают воровские набеги чеченцев, а их задиристость вошла в поговорки. Недавно я был в командировке в Лениногорске, сидел ранним утром у директора рудника на планерке. Ночью в подземной выработке случился обвал — примчался директор, срочно стали искать начальника участка Борзенкова. Позвонили домой. «А он на работе, — ответила полусонная жена Борзенкова. — С вечера предупредил, что всю ночь будет на службе». Все ясно стало директору: начальник участка считался у них большим ходокон налево.

«Ходок» явился как раз к планерке — сидел усталый, но довольный. А директор был тоже усталый, но весьма недовольный.

— Борзенков... — сказал он громким простуженным голосом. И помолчал с угрюмым видом. — Ты до каких пор будешь бегать со своим х..., как чечен с кинжалом?

И мы выпили в ущелье за несмываемые впечатления, которые вайнахи оставляют о себе в разных точках планеты.

Образованные чеченцы-хозяева были решительно не согласны с расхожим грузинским мнением, будто Бог слепил их племя из этнического мусора. Но быть в заложниках у аморальных обычаев еще с языческих пор им претило. Надо как-то выкарабкаться из тенет прошлого. Но как?! На пикнике мы ответа на этот вопрос не нашли.

Из всех кремлевских небожителей Сталин лучше, чем кто-либо знал законы адатов. И тогда, в 1921 году, после Горского съезда он как ярый государственник был встревожен мыслями о перспективах страны. Северный Кавказ официально превращался в зону воровства и разбоя. В рай для кучки потрошителей, именуемой знатью или элитой, и в ад для честных людей. Он становился территорией грызни между кланами за добычу. Черной дырой беспредела, бесправия, куда начнут исчезать материальные и людские ресурсы. Не останови этот процесс, и дыра начнет расширяться, поглощая все новые регионы.

Вождю народов и во сне не могло присниться, что через несколько десятилетий, с приходом к власти Бориса Ельцина вся Россия превратится в Воруи-страну и начнет жить по законам вайнахских адатов.

Ничем иным, кроме сговора между заинтересованными сторонами, не могу объяснить накачку Москвой режима Дудаева весь 92-й. Джохар объявил о выходе Чечни из состава России (налоги в Центр перечислять прекратили раньше), небывалый размах приняли в республике грабежи поездов, издевательства над русскими семьями. Около тысячи боевиков-головорезов обучались в Турции и Пакистане. А гайдаровская команда гнала в Грозный российскую нефть и давала Дудаеву квоты на ее экспорт. За год мы подарили Джохару около семи миллионов тонн нефти.

На заседаниях правительства я не раз ставил вопрос о срочном прекращении поставок сырья в Вайнахию.

— Видите ли, — мягким голосом втолковывал мне Егор Тимурович, — в Грозном единственный на всю страну завод по выработке авиационных масел... Мы не можем его остановить.

— Но Чечня не снабжает этими маслами Россию, — настаивал я на своих предложениях.

— Видите ли..., — опять начинал Гайдар. И так все время: «видите ли...» да «видите ли...»

А не возвращал Дудаев нефтепродукты, потому что не должен был их возвращать. Продукцию на экспорт он гнал официально: в Прибалтику и Турцию, а вырученную валюту — около миллиарда долларов тоже официально тратил на содержание бандформирований, закупку оружия и даже на премиальные боевикам (за убитого русского офицера платил от одной до пяти тысяч долларов). За год из Чечни было вывезено свыше четырех миллионов тонн дизельного топлива, полтора миллиона тонн бензина, 125 тысяч тонн осветительного керосина и 36 тысяч тонн масел.

Квоты на экспорт нефтепродуктов Дудаев получал от Правительства РФ. Многие думают, что правительство — это единая команда, где все решения принимаются коллективно. Такое, мне кажется, встречается редко. А наше правительство вообще напоминало экипаж пассажирского лайнера: пилоты — экономический блок — в кабине отдельно, а все остальные министры — стюарды — тоже отдельно. Планы пилотов старались утаивать от стюардов — их обязанностью было придумывать для пассажиров успокоительные слова, когда сильно трясет или самолет собирается приземлиться не там, куда намечалось

От имени правительства экспортными квотами занимались Ельцин, Гайдар, Авен и Лопухин (с мая 92-го топливно-энергетический комплекс положили под Чернобырдина. Он кормил Дудаева нефтяной грудью России еще несколько лет и усиленно помогал Борису Николаевичу в чеченизации страны. Чернобырдин переиначил главный вайнахский адат с учетом своих интересов. Звучало торжественно и современно: «Государство — это ничто, «Газпром» — все». Вернее, «Газпрому» — все — льготы, особые привилегии, возможность обирать народ заоблачными тарифами, бесконтрольность в швырянии деньгами. Оградив концерн железным занавесом от общественности, Чернобырдин превратил его в собственную кормушку).